

ТЕМА ИСТОРИИ В СТИХОТВОРЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА «ЛЮБКА»

Мария Канатова
(Гарту)

Тема истории интересует Б. Пастернака уже начиная с третьей книги его стихов «Сестра моя жизнь» (1922). Своеобразным итогом размышлений поэта об истории явился роман «Доктор Живаго» (1955).

В 1924 г. выходит ранняя редакция поэмы «Высокая болезнь», в 1927 г. выходит поэма «Девятьсот пятый год», печатается по главам поэма «Лейтенант Шмидт», с 1925 по 1930 г. печатается стихотворный роман «Спекторский». Во всех этих произведениях отчетливо обозначена историческая тематика. Подчеркнутая документальность отдельных глав поэмы «Девятьсот пятый год» также была отмечена современной поэту критикой и исследователями (см. [Пастернак 2012: 283; Поливанов: 62–72]).

Однако в 1927 г., работая над «Спекторским», Пастернак также пишет ряд стихотворений, которые посылает в альманахах «Земля и фабрика», приуроченный к десятой годовщине Октябрьской Революции. Это стихотворения «Пространство», «Приближение грозы», «Ландыши», «Сирень» и «Любка». В этих стихах нет ни той документальности, которая появляется в поэме «Девятьсот пятый год», ни реальных исторических лиц, как в «Лейтенанте Шмидте». В них вообще не упоминаются исторические события, которым посвящен юбилейный сборник. Если бы Пастернак не посылал стихотворения в сборник, и у нас не было бы его писем, где он комментирует эти стихотворения, было бы очень сложно разглядеть в них историческую тематику.

В письме от 29 августа 1927 г. редактору юбилейного альманаха С. А. Обрадовичу Пастернак отмечает, что не собирался писать юбилейных стихов намеренно, но в его замыслы и так «входило провести свой материал, поэтический и повествовательный именно через его (Октября) атмосферу» [Пастернак 2005: 71]. Пастернак предлагает редактору два варианта юбилейных подборок. Это перечисленные нами выше «антологические», как он сам

определяет, стихотворения, или цикл «исторического характера», вышедший позже под заглавием «К Октябрьской годовщине» (1927). Обрадович выбрал из «антологических» стихов «Пространство», «Ландыши» и «Сирень», а исторический цикл печатать не стал.

Предметом нашего анализа станет «антологическое», «ботаническое» стихотворение «Любка», которое нам кажется самым любопытным с точки зрения темы истории. Стихотворение «Пространство» мы уже разбирали [Канатова], а к остальным стихотворениям надеемся обратиться в будущих работах. В данной статье мы попытаемся разобрать стихотворение «Любка» и понять, как в нем представлена тема истории.

В нашем распоряжении три варианта стихотворения, созданные примерно в одно время — в июле–августе 1927 г. Первый вариант Пастернак отправляет Обрадовичу и называет этот текст «недоделанным» и «недописанным» [Пастернак 1965: 595]. Второй вариант поэт отправляет сестре Жозефине в письме от 13 июля, сообщая, что это отрывок еще не отделан [Пастернак 2005: 133–134]. Третий вариант, сохранившийся в собрании В. Орлова, самый длинный [Пастернак 1989: 547]. Именно этот вариант нам кажется самым интересным в связи с нашими задачами.

Любка

Недавно этой просекой лесной
Прошелся дождь, как землемер и метчик.
Лист ландыша со сплющенной блесной.
Тугие капли в сонных рыльцах свечек.

О них и речь, холодным сосняком
Задоренных до солнца в каждой мочке.
Они живут, селясь особняком,
И даже запах льют поодиночке.

Когда на дачах пьют вечерний чай
И день захлопывает свой гербарий,
Пытаются они озорничать
В порядочном кругу иван-да-марьи.

Цветов ничтожных мира, может быть,
Они всего ничтожнее, пока в них
Не сходит ночь, которой полюбить
Ни девственник не в силах, ни похабник.

Дыша внушеньем диких орхидей,
 Кто пряностью не поперхнетя? Разве
 Один поэт, лоя в их духоте
 Неведенье о чистоте и грязи.

Зовут их любкой. Александр Блок,
 Сестра, жена и сын — ночной фиалкой.
 Зовет и город, да и я далек
 От истины — и мне ее не жалко.

При первом чтении этот текст представляется стихотворением о природе, о цветах после дождя. Внимательному читателю бросается в глаза каламбур Любка (имя) — любка (название цветка), заглавие заставляет читателя ожидать появления героини с именем Люба. Заметна еще одна параллель «любка» — «любовь». Читатель вспомнит и поэму Блока «Ночная фиалка», и увлечение Пастернака ботаникой, его особое внимание к образам растений в стихах. Однако обратимся, прежде всего, к комментариям, которыми сопровождает Пастернак в письмах свои стихи, а затем перейдем к подробному анализу стихотворения.

В том же письме Обрадовичу Пастернак так определяет свое историческое видение Революции:

<...> исполнение этой темы было бы сильнее только в том случае, если бы, например, в большой прозе Октябрь был бы отодвинут еще больше вглубь, и еще больше, чем в данных стихах, приравнен к горизонту и отождествлен с природой, с сырой тайной времени и его смен, во всем их горьком неприкрашенном разнообразии <курсив наш. — М. К.> [Пастернак 2005: 71].

Таким образом, поэт склонен видеть в Революции не событие, диссонирующее с прошлым и будущим (как было принято описывать в литературе это событие в двадцатые и последующие годы), а естественное явление, подобное миру природы, определяющее исторический день, и являющееся одновременно его фоном.

18 сентября 1927 г. Пастернак посылает М. И. Цветаевой те же стихи, кроме «Любки». Стихи он комментирует в письме так:

В ощущении, история у меня вернулась в природу, где ей и подобает быть <...>..но ты мне скажешь, <...> не есть ли это модифицированный Ходасевич, т. е. не пришел ли я, дав возобладать над собою Гётеански-Тютчевской стихии, исторически тяготевающей над самым ме-

стом¹ (Абрамцево и Мураново!), к какому-то подобию Ходасевичева классицизма [Пастернак 2005: 79].

В этом комментарии Пастернак снова подчеркивает сходство законов природы и истории и свое видение истории как части природы. Под «Гетеански-Тютчевской стихией» поэт, скорее всего, имеет в виду поэтические традиции, созданные Гете и Тютчевым. Подобная оглядка на литературную традицию соотносится с желанием Пастернака воспринимать Революцию как часть многомерного исторического процесса. Словосочетанием «Ходасевичев классицизм» Пастернак несколько иронически определяет чуждую ему поэтику, вместе с тем, встраивая и ее в традицию: воздействие «Гетеански-Тютчевской стихии» приводит к «Ходасевичеву классицизму».

Определение «антологические», которое дает Пастернак своим стихам, противопоставляя их собственно историческим текстам, можно объяснить, во-первых, его видением Революции как «особенности воздуха», отождествленной с природой, как события, пронизывающего повседневную жизнь и органично в нее встраивающегося; во-вторых, его восприятием Революции как звена истории, а не отдельным событием. Рассуждения поэта о литературной традиции также коррелируют с определением, которое он дает своим стихам. В письме М. Горькому от 10 октября 1927 г. Пастернак объяснял, что в поэме «Девятьсот пятый год» «революционную тему» брал «исторически, как главу меж глав, событие меж событий» [Поливанов: 81]. По свидетельству современника, Пастернак, выступая на встрече с Горьким в редакции «Красной Нови» 9 июня 1928-го г., говорил о том, что «нельзя литературе ограничиваться хотя бы и столь великим по своему значению отрывком времени» (цит. по: [Флейшман: 95–97]). На наш взгляд, это свидетельство соотносится с приведенными выше цитатами из писем.

Как мы видим из приведенных цитат, Пастернак постоянно сравнивает историю и природу, говорит о том, что события Ок-

¹ Слова Пастернака о стихии, «тяготеющей над местом», объясняются так. Семейство Пастернаков проводит лето в деревне Мутовки неподалеку от Абрамцева (в XIX веке — усадьба С. Т. Аксакова, место, куда съезжались литераторы, в том числе, Пушкин). Неподалеку от Мутовок находится и Мураново, усадьба Тютчева.

тября — явление природы. Тема взаимоотношения истории и природы в текстах Пастернака не раз рассматривалась исследователями. Так, например, В. Н. Альфонсов в книге «Поэзия Бориса Пастернака» пишет:

Поэт <...> «испытывал» эпоху на предмет ее природной органичности, бесспорности, <...> наглядности <...>. Природа у Пастернака <...> предстает в качестве примера, образца <...>. История сама подобна природе, она прорастает, как природа [Альфонсов: 92–96].

Исследователь считает, что история у Пастернака сопоставлена с природой, существует по ее законам, но человек живет не в природе, а в истории.

Д. Л. Быков, обращая внимание на другую сторону соотношения истории и природы в творчестве Пастернака, пишет: «Конфликт истории и природы прослеживается у Пастернака на каждом шагу» [Быков: 90].

По нашему мнению, в рассматриваемом тексте история у Пастернака вписывается в природу. Однако в этом стихотворении, как мы хотим показать, представлен не конфликт истории и природы, а конфликт взглядов наблюдателей на историю и природу.

Перейдем к анализу стихотворения по строфам. Стихотворение написано пятистопным ямбом. В первой строфе противопоставляются образы дождя и растущих на просеке цветов. Просека — это очищенная от деревьев узкая полоса земли в лесу, предназначенная для дороги, для обозначения какой-нибудь границы. Дождь идет над просекой, земля становится мокрой и темнеет — наблюдателю кажется, будто дождь размечает землю, подобно землемеру, занятие которого — снимать на план части земной поверхности. Дождь, падая на тропинку, «проходит» по ней, как человек, идущий по лесу. На наш взгляд, образ дождя-землемера может быть соотнесен с образом лесника из стихотворения «История» [Пастернак 1989: 548]. И землемер, и лесник — профессии, связанные с природой: с землей и растениями. В стихотворении «История» образ лесника становится персонификацией страшного исторического события. В стихотворении «Любка» дождь как бы «вводит» героя-наблюдателя в мир природы, останавливает его внимание на цветке любки («Тугие капли в сонных рыльцах свечек. // О них и речь...»). Подобное происходит и в стихотворении «Пространство» [Канатова]. Дождь, как мы уже

сказали, противопоставлен цветам любки, он упорядочивает пространство, тогда как любка «озорничает». Появление ландышей, возможно, неслучайно — этим цветам посвящено отдельное «ботаническое» стихотворение «Ландыши».

В первой строфе любка не называется, но из характеристики в начале второй строфы мы понимаем, что именно этот цветок — главный образ стихотворения. Цветы любки визуально напоминают зажженные свечи. Свеча появляется и в стихотворении «Пространство» в связи с темой истории и творения истории.

Во второй строфе цветы противопоставлены образу «холодного сосняка». Здесь Пастернак использует диалектизм: «задоренный» — это страдательное причастие от глагола «дорить». С одной стороны, согласно словарю Даля, «дорить» — это дарить. Сосны пропускают солнечный свет, который ложится на цветы — «одаривают» цветы солнечным светом. С другой стороны, причастие задоренный образованно от глагола задорить в значении «раззадоривать, подстрекать». Это значение коррелирует со значением образа из следующей строфы — когда цветы начинают «озорничать». Сосняк задирает цветы любки, которые на это реагируют — на них начинает играть солнце. Сосняк же остается холодным, равнодушным. Дождь упорядочивает пространство, размечая землю, сосняк «дозирует» солнечный свет. Это силы, определяющие и регулирующие жизнь цветов. Мочки цветов — это зрительный образ, лепестки любки напоминают мочки ушей. Мочка — это часть человеческого тела, цветы «живут» и «селятся», они очеловечиваются в стихотворении. В этой строфе подчеркивается обособленность цветов от остальных растений, в следующей — их «неподобающее поведение», в четвертой строфе они вообще называются «ничтожными». Перед нами цветок — своеобразный «изгой» среди растений до той поры, пока не приходит его время.

В третьей строфе упоминается «вечерний чай» «на дачах». Этот образ связывает в стихотворении мир природы и мир людей, однако неопределенно-личная конструкция предложения не вводит нас в мир людей, мы продолжаем наблюдать растения. День, захлопывающий свой гербарий — это, возможно, метафорическое описание темноты, скрывающей из виду цветы и уподобленной человеку, захлопывающему собрание засушенных растений. Эта метафора также может напоминать о том, что некоторые цве-

ты с наступлением вечера закрываются. Упоминание именно иван-да-марьи неслучайно. Иван-да-марьей (или марьянником дубравным) в народе чаще всего называют *Melampyrum nemorosum*. Цветок этот внешне похож на любку: на длинном стебле у него располагается большое количество цветков. Видимо, он начинает закрываться вечером — «засыпать» (или же его просто скрывает темнота), и поэтому он назван в стихотворении «порядочным», а любка — ночная фиалка — наоборот, к ночи начинает усиленно источать аромат и заметна для наблюдателя, несмотря на темноту. «Поведение» иван-да-марьи соотносится с поведением добропорядочных дачников, пьющих вечером чай. Внешнее сходство цветов подчеркивает их различное «поведение». «Парное» название цветка также противопоставляется любке-«изгою».

В четвертой строфе описывается преобразование цветка любки к ночи. (Напомним, что цветок называется ночной фиалкой). Примечательно, что ночь символизирует определенные условия, благоприятные для свершения исторических событий. Так, например, в стихотворении «Пространство» герой также наблюдает город, творящий историю ночью, а в поэме «Девятьсот пятый год» революция 1905 г. названа «ночью», которой предшествовал «вечер» революционных и террористических кружков XIX в. Эти условия никто не в силах полюбить, а цветок их принимает («в них <...> сходит ночь»). Е. Б. Пастернак отметил, что строки «Цветов ничтожных мира, может быть, / Они всего ничтожнее...» отсылают к пушкинскому «Поэту»: «И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он» [Пастернак Е. 1997]. С приходом ночи цветок преобразуется, как преобразуется поэт у Пушкина, когда его потребует «к священной жертве Аполлон». Образы «девственника» и «похабника» находят аналогию с «чистотой» и «грязью» из следующей строфы. Если аромат цветка заключает в себе «неведение о чистоте и грязи» (т. е. неразличение добра и зла), то собирательные «девственник» и «похабник» как бы реализуют в своем поведении эти начала, и потому «неведения» им не полюбить.

В пятой строфе цветы, наконец, называются, хотя и не своим именем, а «дикими орхидеями». По-видимому, такое опосредованное название цветка, его разных признаков должно, в частности, подчеркнуть метафоричность его образа. Так же поступает Пастернак с ландышами в стихотворении «Ландыши». В стихо-

творении «Любка» появление конкретного обозначения — орхидеи — возможно, обусловлено их определением «дикие», что соотносится с «неведением о чистоте и грязи» цветка. Образ поэта — так же обособлен в стихотворении, как и цветы. Поэт способен уловить в запахе цветка то, что не удастся другим людям. Неведение о чистоте и грязи (неразличение добра и зла) — это доисторическое состояние (до грехопадения), которое наблюдает поэт, познающий историческое событие. На «невинность» цветов может указывать и их белый цвет, хотя он и не называется (но подразумевается) в стихотворении. Как представляется, строки «...Один поэт, ловя в их духоте // Неведение о чистоте и грязи» метафорически описывают творческое познание художником истории. Поэт *ловит* неведение — использование этой лексемы, возможно, говорит о том, что событие в истории не несет для художника нового знания, напротив, он в себе несет отрицание знания, возвращение к доисторическому.

В шестой строфе, наконец, появляются названия цветка — любка и ночная фиалка. О правильном названии цветка спрашивала у Пастернака, разбирающегося в ботанике, сестра поэта, написавшая стихи о ночной фиалке. Пастернак в письме от 24 июня отвечает ей так: «Цветы эти так и называются — ночной фиалкой в обиходе, в продаже и одноименной поэме Блока («И ночная фиалка цветет»), и любкой в русской ботанической номенклатуре» [Пастернак 2005: 129]. Любкой в русской ботанике называют цветок рода *Platanthera*, наиболее часто встречающийся вид — *Platanthera bifolia*, Любка двулистная. В письме от 13 июля Пастернак присылает сестре стихотворение, как бы отвечая на ее письмо и ее стихи. Автобиографические мотивы появляются и в самом тексте стихотворения Пастернака — это упоминание сестры, жены и сына. Блок и название его поэмы неслучайно появляются в стихотворении Пастернака. На наш взгляд, это упоминание отчасти связано с темой истории. Ночная Фиалка — центральный образ одноименной поэмы Блока (1905–1906) [Блок: 247–257]. Ее герой покидает город, который полон соблазна, лжи и фальши и выходит в вечернее загородное пространство. Он знает, что в это время за городом можно увидеть Ночную Фиалку — «безмятежный и чистый цветок». И действительно, герой узнает Ночную Фиалку в невзрачной девушке, которая оказывается королевной. Девушка прядет, сидя в избе, рядом с древней королев-

ской династией. Фиалка у Блока лилового цвета. Этот цвет в сознании Блока, по мнению С. Ю. Ясенского, «связывался с мировым хаосом, демоническим началом жизни и искусства», «с эсхатологическими мотивами умирания старого мира и наступления нового». Ясенский приводит в своей статье цитату из воспоминаний Андрея Белого. По словам Белого, Блок пытался ему объяснить значение цвета фиалки: «Он пришел к удивительному, очень важному внутреннему узнанию» <...> «Узнанье связалось с восприятием сильно пахнущего фиалкой темно-лилового цвета» [Ясенский: 68]. Белый утверждает, что Блок говорил о «едко-пахучем оттенке», который «увел его от прошедшего» и открыл «новый мир» [Там же].

Воспоминания Белого о Блоке вышли в Берлине в 1922 г., и к 1927-му г. Пастернак вполне мог их прочесть. Свидетельство Белого поясняет такие строки поэмы как: «пронизан был воздух / Зацветаньем Фиалки Ночной», «И продумал я думу столетий», «Слышу волн круговое движенье, / И больших кораблей приближенье, / Будто вести о новой земле». Схожий мотив мы находим в стихотворении Пастернака: ночью цветок начинает сильно пахнуть, его запах, который Пастернак называет «внушением», оказывается сильным, пряным и душистым. И у Блока, и у Пастернака в мотиве вдыхания аромата цветка реализуется классическая поэтическая метафора познания мира. Обращение к блоковскому образу хорошо иллюстрирует пастернаковскую концепцию возвращения истории в природу («где ей и подобает быть»), о которой он пишет Обрадовичу и Цветаевой. Цветы любки, растущие обособленно от других растений и начинающие ночью источать сильный аромат, становятся метафорой неожиданных поворотов в истории, когда событие, до некоторых пор незаметное, невлиятельное вдруг начинает влиять на ход истории, касаться всех («кто пряностью не поперхнет?»).

Согласно пастернаковской метафоре, история движется и творится по природным законам: она уподоблена лесу, лесным цветам — ландышам, иван-да-марье, среди которых с наступлением ночи начинает источать аромат отличный от других цветков — фиалка. Так и у Блока болотное растение становится олицетворением человеческой судьбы (героиня, отождествленная с Ночной Фиалкой, как мойра, прядет пряжу), неизменного совершенства, Вечной Женственности. Появляются в этой строфе и люди, но не

безличные дачники, а родственники героя-наблюдателя — сестра, жена и сын. Конкретность образов коррелирует с упоминанием истины. В имени цветка как бы заключена эта истина, а возможность назвать цветок по-разному говорит о том, что одно и то же событие и явление может быть понято по-разному. Дело в том, что ночная фиалка у Блока и у Пастернака — это разные цветы. У Блока это лиловая *Hesperis matronalis* («ночная фиалка или «вечерица»), в народе ночная фиалка или вечерница, как показывает в своей статье С. Ю. Ясенский. Любка же — белого цвета. По видимому, Пастернак ошибается, называя в письме Ж. Л. Пастернак ночную фиалку Блока любкой.

Как следует из последней строфы стихотворения Пастернака, речь идет о том же цветке, что и у Блока. Герою Пастернака не свойственно трактовать истину однозначно, герой поэмы Блока уверенно знает, какую истину символизирует ночная фиалка, и он ее находит. В последней строфе стихотворения Пастернака употреблено местоимение первого лица. Таким образом, «поэт» из предыдущей строфы и «я» оказываются разделены. Под «поэтом» имеется в виду другой художник. Здесь может подразумеваться и названный в последней строфе Блок, с которым Пастернак вступает в полемику и над которым даже слегка иронизирует в последней строфе, как над поэтом, уверенным в том, что познал истину. Приводя ботаническое наименование цветка, Пастернак называет жену Блока — Любовь Дмитриевну. Отношения лирического героя Блока с героиней, образ которой соотносится с Л. Д. Блок, отзываются, например, в первой книге стихов Пастернака «Близнец в тучах» (1914) [Гаспаров, Поливанов]. Пастернак в последней строфе «Любки» называет и свою семью, и семью другого поэта. Личное для Пастернака всегда неразрывно с историей. С другой стороны, в названии цветка может заключаться и само понятие любви. Любовь — чувство, нарушающее упорядоченность, сопоставлено с историческим событием. Любка — грубое уменьшительное от имени Любовь. В последней строфе происходит некоторое снижение, прозаизация образов. Пастернак вносит оттенок будничности в описание истории и отношений поэта и истории.

Как мы уже говорили, тема истории у Пастернака связана с природой. История существует по природным законам. Природные незначительные события, вроде аромата невзрачного цветка,

оказываются иллюстрацией к событию, происходящему в истории. Подобные параллели возникали в творчестве Пастернака и раньше. Так, в поэме «Девятьсот пятый год» в главе «Морской мятеж» бунт стихии — шторм — соотносится с бунтом матросов на корабле. Однако, в стихотворении «Любка» сопоставление исторического события с жизнью растения призвано и приуменьшить значение этого события, обозначить его как естественное и будничное, что воспроизводит точку зрения Пастернака на Революцию, как на «главу меж глав». Природа не противопоставлена истории, для поэта исторические и природные события равноценны — он видит в них вневременную правду. История неразрывно связана с личностью, прежде всего, как с наблюдателем и участником исторического процесса. Особенным наблюдателем истории оказывается поэт. В историческом событии он видит не добро или зло — понятия, связанные с историей человечества, а доисторическое понимание мира. Таким образом, художник способен наблюдать историю, выходя за рамки самого исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфонсов: *Альфонсов В. Н.* Поэзия Бориса Пастернака. Л., 1990.
- Блок: *Блок А. А.* Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., 2008.
- Быков: *Быков Д. Л.* Борис Пастернак. М., 2007.
- Гаспаров, Поливанов: *Гаспаров М. Л., Поливанов К. М.* «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М., 2005.
- Канатова: *Канатова М. С.* К интерпретации стихотворения Б. Пастернака «Пространство» // Русская филология 24. Тарту, 2013.
http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Kanatova.pdf (Дата просмотра: 29.01.2014).
- Орхидеи нашей страны: *Вахрамеева М. Г., Денисова Л. В., Никитина С. В., Самсонов С. К.* Орхидеи нашей страны. М., 1991.
http://flower.onego.ru/orchid/book_00.html (Дата просмотра: 29.01.2014).
- Пастернак 1965: *Пастернак Б. Л.* Стихотворения и поэмы. М., 1965.
- Пастернак 1989: *Пастернак Б. Л.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1989. Т. 1.
- Пастернак 2005: *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М., 2003–2005. Т. 8.

- Пастернак 2012: Б. Л. Пастернак: pro et contra. Б. Л. Пастернак в советской литературной критике: Антология. СПб., 2012.
- Пастернак Е. 1997: *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997. http://www.russofile.ru/articles/article_76.php (Дата просмотра: 29.01.2014).
- Поливанов: *Поливанов К. М.* Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М., 2006.
- Флейшман: *Флейшман Л. С.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003.
- Ясенский: *Ясенский С. Ю.* Роль и значение реминисценций и аллюзий в поэме «Ночная фиалка» // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 64–77.